

© 2012 г.

Борис Рахаев

кандидат экономических наук, доцент
(e-mail: rahaevbm@mail.ru)

Марьяна Шомахова

кандидат экономических наук, доцент

Базынан Бизенгин

доктор экономических наук, профессор
(e-mail: r3bizengin@mail.ru)

(Кабардино-Балкарская государственная сельскохозяйственная академия)

БУДУЩЕЕ РОССИИ: СОБСТВЕННАЯ, ОСОБАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ?

Исследуются объективные условия, влияющие на формирование собственной российской экономической модели. Показано, что различная комбинация этих условий может определить разные векторы создания такой модели. Высказывается мнение о возможных и необходимых чертах этой модели.

Ключевые слова: модель экономического развития, особенности России как мира-экономики, двойная спираль развития экономики.

В последнее время в России заметно активизировалась дискуссия о необходимости для нее собственного пути развития, отличного от того, которым идут другие страны. Если учесть, что многие «судьбоносные» вопросы в нашей стране, как показывает исторический опыт, «вбрасываются» в общество не столько по инициативе «снизу», а властью, и на этот раз дискуссия не стала исключением. Тем более, что говоря о пути развития России, власть не ставит целью проведение общественной дискуссии, сопоставление различных точек зрения. Власть декларирует свою позицию и навязывает ее обществу. Позиция власти далеко не всегда последовательна, чаще противоречива, но в целом ее суть ясна. Нынешний курс власти обозначился в Мюнхенской речи (2007 г.) президента России В. Путина, а затем получил развернутое изложение в ежегодных посланиях президента России Д. Медведева, разработанных и утвержденных концепциях и программах государства.

Следует заметить, что в России вопрос о выборе собственного пути развития имеет давнюю историю. В разное время он принимал различную форму, касаясь религиозного, культурного, экономического и социально-политического развития. Впрочем, вне зависимости от этого речь всегда шла о праве именно на собственный путь развития. За начало можно принять известную оставившую рукописный след дискуссии царя Ивана IV с

князем Курбским.¹ Затем весьма остро эта проблема проявилась в церковном расколе,² который продолжался в XVII в. Пройдет два столетия, спор выйдет из лона церкви и примет, во-первых, светский, во-вторых, партийный характер. Славянофилы, или почвенники, и западники, или либералы, становятся главными инициаторами в этом споре.

В XX в. проблема особого пути России стала вначале предметом спора о возможности социалистической революции в России, а затем о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране (имелась в виду Россия)³. Во второй половине XX в. была не только выдвинута идея о возможности построения коммунизма в отдельно взятой стране – СССР, но и была названа конкретная дата решения этой задачи.

В 80-е годы не только власть, но и широкие круги общественности выдвинули идею о трансформации вектора развития страны на основе научно-технического прогресса и демократизации управления, появились три броских термина: ускорение, гласность, перестройка. Результат известен. В конце XX – начале XXI в. предметом дискуссии стала тема модернизации, но прогресса на этом пути пока не достигнуто.

Перечисленные исторические события, на наш взгляд, представляют собой звенья одной цепи; спор ведется в контексте одного и того же вопроса, и это нельзя скрыть демагогической фразеологией, идеологическими уловками и т.п. Но накал страстей, выплескиваемых наружу, вовлекаемые силы, их расстановка, персонификация и проч., конечно же, меняются от эпохи к эпохе, но не меняется суть вопроса – обоснование права (или отрицание оправданности) на собственный путь развития России. При этом собственный путь развития предполагает принципиальное отличие от пути развития других стран (без объективной оценки итогов

¹ Правда, еще раньше прадед Грозного Иван III дискутировал на предмет названия «отчины», ее символики и, собственно, определения матрицы страны. (Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.2. Курс русской истории. Ч.2. М.: Мысль, 1987).

² Никольский Н.М. История русской церкви. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1983. Не следует забывать особую роль церкви в тот период в России. Эта роль иная, чем та, которая сложилась в XVIII – XX вв. и даже в начале XXI в. Церковь формировала в тот период не только идеологию, но и практику российской жизни. Нормы и каноны православной веры впитывались русским человеком с молоком матери. Для России значение Православной церкви даже больше, чем Римской католической церкви для любой страны западного мира.

³ Сегодня можно констатировать ошибочность данного положения. Россия отказалась от социализма ради капитализма, и причем сделано было это не кучкой «перестройщиков», «агентов влияния» и проч., а народом – рабочим классом, колхозным крестьянством и интеллигенцией, которые не просто позволили провести приватизацию, но и другие шаги по ликвидации социалистического строя. Поневоле вспоминается «Восемнадцатое брюмера» К. Маркса... Очевидно, после провала советской модели даже в Китае не говорят уже о «полной победе» ортодоксального социализма, и если и говорят о социализме, то не слишком уверенно и с оговоркой о китайской специфике.

развития в России и на Западе), претензию на неизбежный успех (если этому не будет мешать Запад), историческую правоту, необходимость отвергать даже позитивный опыт других стран и т.д. Сложнее вопрос об уникальности этого пути. Коммунисты прямо говорили об универсальной значимости советского социализма, неизбежности его распространения на весь мир. Не придерживаются ли некоторые наши политики той точки зрения, что современная российская модель была бы наиболее уместна в других постсоветских странах?

Существуют разные точки зрения.¹ Одни напрочь отвергают даже самую постановку вопроса, принимая ее за «абсурдную претензию на исключительность», «намеренное пренебрежение всеобщими законами экономического развития», «идеологическим обоснованием интересов определенных политических сил» и проч. Ссылаются на известное утверждение К. Маркса: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»², которое интерпретируется в том смысле, что все страны следуют в фарватере одной экономической модели, сменяя друг друга по уровню экономического развития, но не меняя экономической модели. Иными словами, есть общая, единая для всех стран экономическая модель, которую разные страны по мере сил (имеющихся ресурсов и внешней конъюнктуры) реализуют. Как только у страны заканчивается ресурсный потенциал, ее место занимает новая страна, которая развивается все в той же экономической модели, но использует новые ресурсы. Поэтому считается, во-первых, что претендовать на свой путь в экономике равносильно изобретению своей, национальной геометрии, химии и т.п., ибо существуют универсальные законы экономики и им следует как естественным законам подчиняться или пожирать плоды нарушения их, что в конечном счете «безответственно, неразумно и опасно».

Другая точка зрения исходит из того, что «предпосылка о всеобщности модели ложна» и признает возможность и необходимость специфических национальных экономических моделей. На стороне ее также и логические модели, которые указывают на то, что экономических моделей

¹ Существует обширная литература, в которой отрицается (и порицается) гипотеза «собственного пути развития», в ней обычно, несмотря на широкий спектр мнений, не допускается даже гипотетическая возможность «собственного пути развития». Противоположная точка зрения представлена меньше, носит гораздо более наступательный характер. В литературе этого толка имеются проекты разного уровня научности: и фантастические, и явно курьезные, и заслуживающие внимания. Но те, кто желает заняться данной проблемой серьезно, тот должен начать с изучения работ позапрошлого и прошлого века, качество которых несоизмеримо с нынешним.

² Маркс К. Капитал. Т. I. М.: Политиздат, 1988. – С.9.

столько, сколько «миров-экономик», говоря словами Ф. Броделя¹. Экономические законы не навязаны обществу. Они создаются людьми, имеющими определенные навыки предметной деятельности, мысли, страсти, опыт исторического и социального развития, окружающую природную среду. И это дает основание формировать свой путь экономического развития, опираясь на универсальный характер экономических законов.

Им возражают представители первого направления, приводя свои аргументы: в экономике следует лишь взять и использовать имеющиеся модели, а не «изобретать велосипед». Выигрывает тот, кто рационально использует имеющийся в мире позитивный опыт, опирающийся на известные экономические законы. Поэтому если Россия не желает остаться на обочине мирового развития, то она должна развиваться так же, как и все рассматриваемые как цивилизованные страны мира, т.е. формировать у себя ту модель экономики, которая имеет место у развитых стран и представляет мировые тренды развития.

Но заметим сразу, что можно высказать много возражений по поводу аргументов и первой точки зрения.

Прежде всего, очевидно, что экономическое развитие любой страны (территории, на которой имеет место относительная целостность различных институтов) не может проходить под кальку некоторой уже утвердившейся где-то модели. Любая страна вносит свое специфическое в реализацию общих принципов, в «общую модель» развития. Нельзя бездумно копировать то, что кем-либо уже создано, нельзя не вносить в общую модель экономического развития что-то свое. Конечно, малые страны отличаются от крупных (тем более стран-гигантов), и их достижения порой видятся менее значимыми. Но, несмотря на это, даже самая маленькая страна реально имеет свою модель развития. Хотя, разумеется, только там можно создавать свои модели развития, где налицо определенная обособленность, и речь идет не о части территории той или иной страны.² Более того, можно говорить о возникновении новой модели развития лишь там и тогда, где и когда образуется хозяйственная целостность. А поскольку по мере эволюции хозяйственной деятельности на планете число целостностей сокращается, то снижаются возможности образования оригинальных моделей хозяйственного развития. На сегодня положение таково, что мелкие и даже средние страны не могут создать свою собственную модель развития, т.к. находятся под сильным влиянием крупных стран и стран-гигантов, а потому образуемые последними мировые тенденции не дают первым достаточных условий для формирования

¹ Бродель Ф. ВРЕМЯ МИРА. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Том 3. М.; Прогресс, 1991. С.14.

² Рахаев Б. и др. Структурная устойчивость национального хозяйства как условие его динамики //ОНС. – 2007. – №2.

и реализации самостоятельной экономической модели, и они следуют в фарватере последних¹. Видимо, мировая хозяйственная история прошла тот этап развития, когда малые страны имели возможность выступать в роли первопроходцев экономического проектирования. Ныне действует новая парадигма, согласно которой возможность создать собственную экономическую модель имеют лишь крупные страны и страны-гиганты.

Теперь обратимся к вопросу о возможности для России иметь свою модель экономики. Но прежде всего подчеркнем, что эта модель должна основываться – обязательно – на фундаментальных принципах рыночной экономики, хотя и нужно избегать тех провалов и рынка, и государственной экономической политики, которые проявились накануне последнего мирового финансово-экономического кризиса. При этом ни одна страна не должна уклоняться от учета прогрессивных мировых тенденций. Отметим также, что «право на собственный путь развития», на собственную модель должно определяться не желанием и амбициями политиков, теоретиков и идеологов, партий, а наличием особых, неповторимых условий, обязывающих учитывать их в интересах страны. Но вряд ли возможно долго уклоняться от ориентации на совокупность фундаментальных черт мировой передовой экономической модели.

Обобщение исторической практики позволяет выделить следующие основные признаки, которые формируют необходимость для страны собственной экономической модели: территория, население, местоположение, потенциал сырья и природных ресурсов, институты, менталитет и культура.

Разберем каждый из перечисленных признаков применительно к России.

Территория. Речь идет в первую очередь о размере территории. Опыт показывает, что размер территории не является признаком, определяющим тип национальной социально-экономической модели. Хотя случаи, подтверждающие обратное, также имеют место. Но обширная территория не является условием приобретения статуса гегемона или лидера.

¹ В данном пункте авторы расходятся. Один (Б. Бизенгин) считает, что в ходе эволюции хозяйственной деятельности на планете происходит расширение возможности для формирования самостоятельных хозяйственных систем (и следовательно, моделей, проектов). Поэтому появляется возможность даже самой мелкой стране создавать свою экономическую модель. Другой (Б. Рахаев), напротив, считает, что в ходе эволюции происходит сокращение возможности для образования самостоятельных хозяйственных систем. Более подробно обе точки зрения нашли свое отражение в работе «Московский консенсус» (Двойная спираль экономического развития. Московский консенсус. Нальчик: Изд-во КБГСХА, 2011). В целом оба варианта лежат в плоскости так называемой динамической хозяйственной сферы планеты. Очевидно, в этой связи заслуживает внимания изучение ее противоположной так называемой стационарной модели хозяйственного развития планеты. Но это предмет специальной работы, на котором здесь мы не станем останавливаться.

Конечно, страна размера Лихтенштейна или Монако не может выступить в роли проектанта экономической модели мировой значимости. Но история говорит о том, что не всегда страны, имеющие большую географическую территорию, выступали «законодателями экономической модели». Часто они бывали в обратной роли. Площадь территории не имеет решающего значения при формировании собственной экономической модели.

Площадь территории России составляет свыше 17,06 млн кв. км. По данному параметру она относится к государствам-гигантам и не просто доминирует среди других государств мира, а является уникальной. Но территория важна не сама по себе, не как физическая реальность, а как экономический ресурс. И в этом смысле правда состоит в том, что лишь четверть имеющейся территории благоприятствует нормальной современной жизнедеятельности человека – тогда как в отдельных странах этот уровень составляет 90 и более процентов. Поэтому наличие большой территории у России совершенно не является предпосылкой роли гегемона или лидера. Тем более в настоящее время в связи с нынешними российскими экономическими условиями и тенденциями развития. Скорее всего величина территории играет не позитивную, а негативную роль.

Численность населения. Это более важный, чем площадь территории признак. Но опять же здесь действует правило: численность населения имеет значение для формирования собственной экономической модели лишь в определенных пределах, в противном случае данный признак не имеет решающего значения. Следовательно, его можно определить как необходимое, но отнюдь не достаточное условие.¹ По численности населения (свыше 142 млн человек) Россия входит в десятку крупнейших стран мира и по этой характеристике также относится к государствам-гигантам. Но, во-первых, имеет место низкая плотность населения (8,3 чел. на км², тогда как, например, в США 33,1, Китае 139,6 и т.д.), во-вторых, неравномерность расселения и концентрации по различным регионам страны, в-третьих, неоднородность по этническому, конфессиональному, половому, возрастному, культурному, профессиональному и другим характеристикам. По некоторым основным параметрам (соотношение молодых и пожилых, территориальное распределение, здоровье, квалификация, потребительские привычки и т.д.) численность и качество населения в России формирует тенденцию не развития, подъема, а вероятную тенденцию к упадку и вырождению. Поэтому и этот признак не формирует у России статус, благоприятный для реализации собственной экономической модели.

¹ Поэтому, например, Китаю, Индии, Индонезии и т.д. вовсе не гарантировано доминирование в мире из-за численности населения. Численность населения, как и площадь территории – статический фактор, т.е. он важен, но численность сама по себе не имеет определяющего значения для достижения ведущей роли.

Наличие *сырьевых ресурсов, их разведанные, доказанные и добываемые запасы и материально-техническая база экономики*. Очевидно, сырьевая обеспеченность вопреки распространенному мнению это наименее значимый из перечисленных признаков. Прогресс и доминирование стран, народов часто наблюдались там, где нет природных ресурсов, но где умели превращать природные ресурсы в экономический фактор. По данному признаку Россия позиционируется как территория планеты, на которой сконцентрированы доминирующие запасы стратегического сырья и других природных ресурсов (в первую очередь, это пресная вода, земельные ресурсы, пахотные площади, полезные ископаемые, лесные ресурсы, газ, нефть, уголь и т.д.). То есть Россия – территория самодостаточная, способная существовать в автономном режиме за счет собственной ресурсной базы. Но, во-первых, большая часть основных ресурсов расположена в зонах, непригодных к нормальной жизнедеятельности, с низким уровнем коммуникаций и т.д., и в силу этого затраты на превращение сырья в экономический ресурс очень велики и тем самым экономическая ценность этих ресурсов невысока. Во-вторых, для эффективного освоения и усвоения (т.е. превращения в мощный ресурс внутреннего развития) в стране недостаточно технологий, квалифицированной рабочей силы, научного, производственного и технологического потенциала, производственной, хозяйственной и социальной инфраструктуры. Поэтому России приходится добывать сырье, осуществлять его незначительную первичную переработку и экспортировать, чтобы затем импортировать готовую продукцию, полученную из данного сырья. Следовательно, при существующем уровне производительных сил и технологий имеющиеся в распоряжении ресурсы явно недостаточно служат подъему экономики страны и обслуживают формирование национального хозяйства в виде своеобразного сырьевого придатка к экономикам других стран. Все это иногда побуждает говорить, что сырьевая обеспеченность России пока не благо, а своеобразное «ресурсное бремя».

Здесь мы не будем рассматривать вопрос о роли материально-технической базы экономики. Ее отсталость уже никем не отрицается, но эту характеристику нельзя трактовать как верную на перспективу, т.к. это отставание можно преодолеть в будущем, хотя пока этого не происходит.

Местоположение и коммуникации. Считается, что геополитическое положение страны определяет очень многое в ее судьбе, «может быть, даже почти все». Правда, многое зависит от коммуникаций, которыми располагает страна. Коммуникации (естественные и искусственные, производственные, хозяйственные, социальные, культурные, идеологические и проч.) в любое время играли важное, порой даже определяющее значение в развитии страны. Они выступали своеобразным ресурсом развития. Страны и народы, оказавшиеся на периферии от основных коммуникаций, оказывались на периферии мирового развития. Ныне значение ком-

муникаций выросло кратно, хотя и представлено преимущественно в ином контексте, благодаря их явной экономической нагрузке. Тем не менее, коммуникации, тем более так называемые естественные, не играют решающей роли в создании собственной экономической модели. И история подтверждает этот вывод примерами от «шелкового», «чайного», «кофейного», «опийного», «стеклянного» до трансконтинентальных и региональных путей, о чем мы знаем по истории каждой эпохи достаточно. Стало быть, иметь коммуникации, которые дают своеобразную коммуникационную ренту, для страны еще совершенно не означает возможности создать собственную экономическую модель.

Геополитически - Россия находится между двумя основными типами цивилизации: восточной и западной. Ее историческое развитие проходит в данном контексте. При этом она не становится ни западной, ни восточной, сохраняя в себе оригинальный абрис элементов первой и второй. Россия, располагая самой протяженной сухопутной территорией (с запада на восток расстояние превышает 9 тыс. км, с севера на юг – 4 тыс. км; на территории укладывается около десяти часовых поясов, несколько природно-климатических зон и т.п.), является страной двух частей света (Европы и Азии), наиболее близко расположена от Северной Америки (ширина Берингова пролива составляет всего 70 км) и, таким образом, и сушей, и морями, и реками соседствует с основными мировыми центрами культур, хозяйствования. Поэтому Россия представляет собой важное с точки зрения естественных коммуникаций пространства.

Но это только теоретически. Дело в том, что, во-первых, климатические, погодные, ландшафтные, а также этносоциальные условия для формирования транспортных, производственных, хозяйственных и т.д. коммуникаций вовсе не благоприятны, затратны как по строительству, так и содержанию. Поэтому через Россию пока не проходит ни одной глобальной транспортной коммуникации. Производственные же и хозяйственные коммуникации фрагментарны (на что указал последний мировой кризис). Фрагментарны также и социальные, конфессиональные, этнические коммуникации. Более того, все крупные транспортные, производственные, хозяйственные, культурные коммуникации все еще расположены за пределами ее территории. И поэтому не другие страны, а Россия стремится к использованию иностранных коммуникаций. Во-вторых, существующие и большей частью имеющие локальный страновой характер коммуникации находятся в скверном состоянии. Речь идет в первую очередь об инфраструктуре портов, железных, автомобильных дорог, мостов, инженерных сооружений и т.п., которые изношены физически и устарели морально настолько, что все это стало притчей во языцех. В-третьих, пространственно коммуникации сосредоточены преимущественно в регионах сложных природно-климатических условий (вечная мерзлота района БАМа и вся северная территория от Мурманска до Анадыря), или столь

же сложных и противоречивых в этнополитическом плане (Северный Кавказ, Каспийский и Черноморский бассейны). Таким образом, на такие коммуникации, которые могли бы создать особый статус страны, помочь получению «права» на собственную экономическую модель, как имеет место у отдельных стран (например, Турция, Панама, Египет и т.п.), пока рассчитывать не приходится, и нужно очень много поработать, чтобы изменить это положение.

*Институты, менталитет, культура.*¹ Данному признаку во все времена отводилась большая роль в формировании собственной экономической модели. В отдельных исследованиях за институтами признается роль демиурга оригинальной экономической модели.² Но ни протестантская этика, ни конфуцианская мораль, ни старообрядчество, ни мусульманская этика и т.д., о которых написано огромное количество восторженных и критических работ, сами по себе, вне общего социально-экономического и политического контекста ничего не значат. Более того, в зависимости именно от контекста, – например, нормы мусульманской морали в Афганистане и в Индонезии, Йемене и Египте или коммунистической идеологии во Вьетнаме и Китае, КНДР и Кубе – дают совершенно разные экономические результаты. Влияния менталитета, как и культуры на социально-экономическое развитие территории и нации определяется тем, какое соотношение в базисе экономики – соотношении норм сбережения и потребления, – формирует эта система. Все остальное с экономической точки зрения – досужие домыслы.

Институты становятся важнейшим и даже решающим признаком при формировании собственной экономической модели тогда, когда, во-первых, формируют основу экономической динамики территории, во-вторых, организуют территорию (из аморфной территории делают страну), в-третьих, организуют общество (из массы людей делают общество). От институтов зависит и то, наличествует или отсутствует приток в страну инвестиций, рабочей силы, стимулируются ли институтами открытия и изобретения и т.д., все это подтверждается многочисленными историческими фактами и имеет место в настоящее время. Но, на наш взгляд, осо-

¹ Мы намеренно объединяем их в единый признак, признавая нетождественность, но генетическое родство включенных в него элементов. Институты вырастают на базе культуры и несут на себе особенности «умоначертания» (С. Соловьев), установки сознания, содержащие базовые представления о человеке, обществе, природе (М. Блок, Л. Февр).

² «Успех экономического, равно как и политического развития главным образом зависит от степени совершенства институтов», – утверждают в своей статье известные авторитеты в области институтов Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст (Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности // Вопросы экономики. – 2012. – №3. С.4).

бенно важно, если институты формируют целостность страны и ее экономики, или, выражаясь словами Ф. Броделя, обеспечивают образование мира-экономики. Есть ли это у России? Полагаем, есть.

Институты как совокупность нормативных правил, получивших формальное и неформальное выражение (начиная от алфавита, уложений до конституции и уголовного кодекса), а также склад ума, психические установки, духовный мир, включая своеобразное ощущение, в том числе полноценности или неполноценности, играют ведущую роль в формировании самоидентификации страны и ее облика для внешнего мира. Но как влияют российские институты на состояние страны и ее восприятие в мире? В литературе однозначного ответа на данный вопрос нет.¹

Одни авторы (преимущественно из лагеря либералов и «западников») считают, что российские институты, менталитет и культура не дают России никаких оснований на особый статус в мире и тем более на формирование своей экономической модели, в силу их отсталости, консерватизма, а порой и вовсе реакционности. Другие же (преимущественно из консерваторов и «почвенников»), напротив, считают, что российские институты, менталитет и культура не только оригинальны, но и дают России основание для утверждений о ее морально-политическом превосходстве, позитивной «особости», возможности определяющего влияния на человечество. И тем более для исторической предопределенности создания собственной экономической модели. По-видимому, вполне справедливо мнение о специфичности российских институтов, наличие многих возможностей реализации их позитивных сторон, но многое носит отрицательный характер и должно быть преодолено, чтобы сложилась эффективная экономическая модель, и о ее международной значимости говорить рано.

Таким образом, анализ отдельных составляющих, формирующих архитектуру экономической модели, показывает, что ни один из названных параметров в России не благоприятствует созданию такой национальной экономической модели, которая могла бы мобилизовать общество на преодоление негативных процессов и устойчивый прогресс. В целом мы наблюдаем в России явно весьма противоречивый характер условий и факторов, формирующих экономическую модель. Однако все перечисленные признаки, факторы нельзя рассматривать по отдельности, а тем более во вневременном аспекте. Многие из этих факторов могут быть изменены обществом в позитивном направлении. В этом ключе можно направить и разнонаправленные факторы. Территориальная протяженность, емкая сырьевая и ресурсная база, численность и структура населения, многоуровневая система коммуникаций, образование могут при условии пози-

¹ О наших институтах, менталитете и культуре написано очень много работ, причем в большинстве случаев оценивающих их негативно или нейтрально с понижающим рейтингом.

тивной эволюции институциональной системы создать необходимые условия для появления оригинальной экономической модели, разумеется, не противостоящей объективным экономическим законам и оправдавшему себя опыту развитых стран (в меру возможности его адаптации к российским условиям). Важно и то, что для мировой экономики было бы благоприятно появление в России эффективной экономической модели, в мире есть потребность в России как особом мире-экономике. Представляется, что запросы (а не пресловутые «вызовы» и «ответы») окружающего мира на тот или иной продукт и возможности страны предоставлять его, определяют статус последней. Если страна способна предоставить данный продукт, то она получает (и не от кого-либо, а в сфере цивилизационных связей) тот или иной статус, если нет, то ее место занимает какая-либо другая страна.¹ Только так Россия может обрести, условно говоря, «право» на свою собственную экономическую модель, как частное выражение «своего пути развития». При этом весьма важно, чтобы эта модель была способна реагировать на мировые тенденции в области техники и технологии, на мирохозяйственные связи. Надо, чтобы она предусматривала финансовые и кредитные, таможенные и налоговые инструменты и механизмы защиты внутреннего национального рынка и стимулирования отечественного производителя, разумеется, в рамках правил ВТО и вообще принятых цивилизованных норм международного общения.

Но особенно важно, чтобы российские политики не стремились противопоставить страну современным общечеловеческим ценностям. Ведь именно эти ценности служат фундаментом движения человечества к лучшему будущему. Человечество разработало множество концепций, программ и проч. Но каков результат? На нынешнем этапе мир сотрясается противоречиями и перспективы их преодоления не ясны. Ситуация в России столь же, если не еще более, сложна. Мы не видим, чтобы определился позитивный вектор развития страны. Действующая в России экономическая модель противоречит интересам развития страны. Нам возражают: она позволила достичь относительно высоких темпов роста (хотя они и ниже, чем во многих других экономиках), кратно увеличить ВВП, повысить уровень душевых доходов населения, увеличить бюджетные ассигнования на науку, образование и здравоохранение, сельское хозяйство и коммунальное обслуживание и т.д. Но одновременно наблюдались и крайне негативные процессы. Темпы роста душевых доходов опережали прирост производительности труда, производимые внутри страны товары (за исключением сырья и природных ресурсов) не продвигаются на внешние рынки, высокими темпами растут отток капитала (с 2008 по 2011 гг. суммарный отток капитала из страны составил свыше \$305

¹ Правда, если в мире на определенное время не обнаруживается такой страны, то мир-система может упроститься, вплоть до того, что вовсе утратить потребность в таком продукте. Исторически такие периоды в мир-системе бывают, и причем не редко.

млрд.), коррупция и проч. Что же касается затрат на науку, образование, здравоохранение, то они оказываются на порядок ниже, чем у развивающихся стран и почти в 7 раз ниже объема и темпов роста ассигнований на национальную оборону, безопасность и содержание органов правопорядка. Все это в совокупности говорит о том, что Россия стоит перед необходимостью разработки и реализации новой модели экономики.

Исходя из нашего анализа предложим в общих чертах наше видение необходимой модели экономического развития России, названной нами «Московский консенсус».¹

Основные критерии и черты новой российской модели. Модель «Московского консенсуса» держится на шести конструкциях: государство, рынок, институты/культура, открытость, конкуренция, менталитет. Эти конструкции объединены в два треугольника. Первый треугольник образуют: государство, рынок и институты/культура. Второй – открытость, конкуренция и менталитет. Треугольники подлежат совмещению или накладке друг на друга. В результате чего получается следующая конструкция (рис. 1).

В точках совмещения конструкций образуются новые отношения: хозрасчет, планирование и прогнозирование, антимонопольное регулирование, банкротство, приватизация, национализация и т.д. Во-вторых, совместное пространство образуют пять мелких треугольников и один шестиугольник, стороны которого выступают одновременно сторонами мелких треугольников. В-третьих, точки соприкосновения треугольников и шестигранника формируют социальные, экологические, политические и прочие отношения, которые выражают соотношения: потребление/накопление, зарплата/производительность труда, занятость/оплата

¹ В 90–2000-е гг. в литературе часто использовался проект, названный «Вашингтонский консенсус», который содержал комплекс мер либерального характера (приватизация госпредприятий, либерализация внешних связей, шоковая терапия, дерегулирование, сокращение госрасходов на социальные нужды, свободный курс национальной валюты и т.п.), предложенных Дж. Вильямсоном и опробованных на странах Латинской Америки, а затем и Восточной Европы и России. Не все однозначно оказалось в этом проекте. Более того, многое проявило себя негативно. И это во многом дискредитировало в целом неплохой проект. В 2004 г. Дж. Рамо – консультант Goldman Sachs и профессор китайского университета Цинхуа предложил «Пекинский консенсус» (Ramo J.C. The Beijing Consensus: notes on the new physics of Chinese power. L: The Foreign Policy Centre, 2004) – проект, ставивший своей целью показать новую китайскую модель, во многом основанную на противоположных «Вашингтонскому консенсусу» принципах. По аналогии с двумя названными проектами особенности российской модели, но не в том контексте, в котором они понимаются Дж. Вильямсоном и Дж. Рамо, а в плане возможностей развития, мы и называем «Московским консенсусом», полагая, что речь идет о консенсусе между имеющимися в распоряжении России природными богатствами и проблемами, национальной системой ценностей, состоянием производительных сил, системой государственного управления, историческими и социальными условиями и т.д.

труда, безработица/ВВП, инфляция/безработица, коэффициент Джини и др. Это схема. А теперь опишем отдельные характеристики модели «Московского консенсуса» – новой экономической модели России.

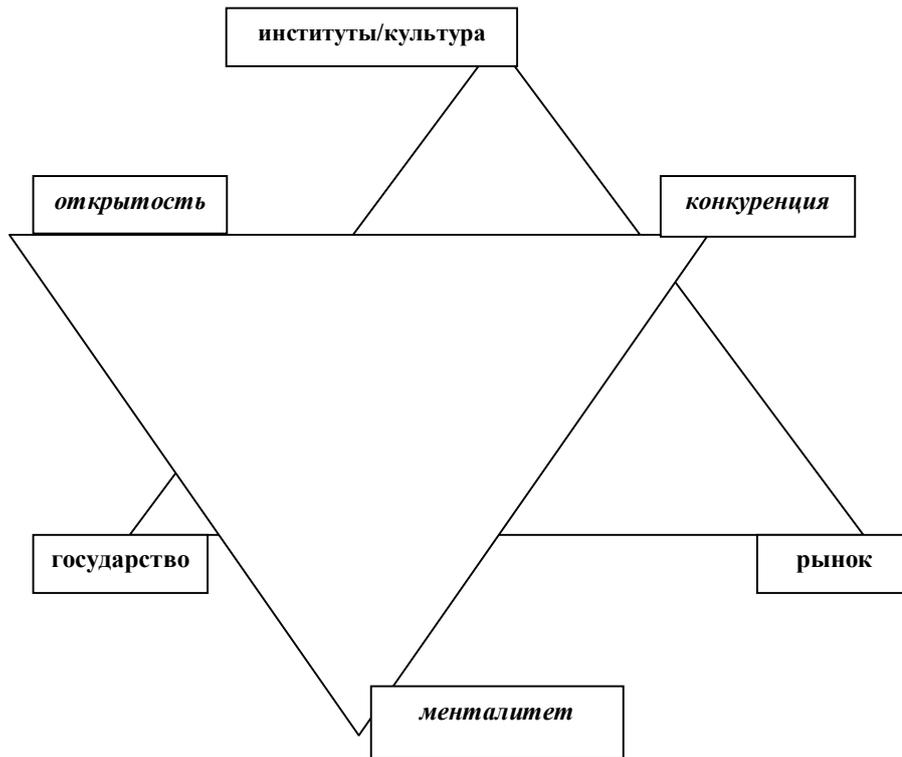

Рис. 1*)

Всякая экономическая модель предполагает наличие следующих признаков: жизнеспособность, универсальность, оригинальность (неповторимость), целостность элементов и конструкций и эффективность. Разберем модель «Московского консенсуса» через призму указанных признаков.

Прежде всего, модель «Московского консенсуса» ориентирована на устойчивое, сбалансированное и качественное развитие социума. Поэтому она должна опираться на инновации в сфере техники, технологий, менеджмента, общественного устройства, экологии и культуры. Эта сторона модели контролируется при помощи таких параметров как: соотношение

*) К рисунку прилагается таблица, в которой расшифровываются отдельные положения, представленные на рисунке. За ограниченностью рамок журнальной статьи она здесь не приводится.

производительности труда и доходов, занятости и безработицы, уровня прожиточного минимума и коэффициента Джини, удельного веса наукоемкой продукции в произведенной продукции, структуре экспорта и импорта и т.д., которые, как уже замечено, вырабатываются «мелкими треугольниками». С другой стороны, эти индикаторы обязывают введение продуманности в принятии решений в качестве важнейшего критерия, которая обязывает опираться не на «шоковую терапию» и внезапность, а на проведение социальных экспериментов на локальном уровне и, при положительном результате, транслируемости на более «широкую аудиторию». Другим критерием выступает социальное равенство и экологическая безопасность производства. Реализация данных критериев достигается при помощи трех базовых конструкций: государства, рынка, институтов/культуры, объединенных в первый треугольник.

Государство не является доминирующим актором, как и не является им рынок. Это два равноценных института. Между ними нет противопоставления и противостояния, нет главенства и подчиненности, второстепенности. Они не противостоят друг другу, а дополняют друг друга, образуя специфический регулятивный механизм. Другое дело, что для каждого из них определена своя ниша.

Россия именно в силу имеющихся специфических черт фундаментального характера, связанных с историей, государственным и общественным устройством, географией, не может отказаться от важной роли государства и в обществе, и в экономике. Роль государства в России совершенно уникальна. Она отлична не только от Западных (США, Франция и т.д.), но и Азиатских (Китай, Япония и т.д.) стран. Государство в России больше чем просто общественный институт. Выражаясь фигурально государство в России больше, чем просто государство. Особенность России и реформ в ней состоит в том, что всеми этими процессами руководит правительство, государство, а не граждане и не политические партии и общественные объединения, международные организации и проч. Поэтому государство имеет в России важное значение как организационный и регулятивный институт. Оно не просто символ, как в некоторых странах и нациях, а важнейший национальный институт. Очевидно, что нынешнее состояние российского государства не позволяет ему играть эту роль. Необходимо его реформирование. И поэтому все реформы исходят и должны исходить из него и от него. Успех реформ – успех реформ государства.

Государство в рациональных формах и пределах должно поддерживать национальную промышленность и проводить инновационную политику, поддерживать выход национального бизнеса за рубеж, помогать национальным предприятиям кредитами, таможенными и тарифными мерами, стимулировать обновление фондов, изменение их органической

структуры и т.д. Но при этом оно должно не ограничивать конкуренцию, не препятствовать приходу в страну зарубежных компаний, но в то же время ограничивать доступ на внутренний рынок фирм, занимающихся спекулятивными операциями. Сложен вопрос об оптимальных масштабах государственной собственности в экономике, особенно в сфере банков, страхования и т.п. Мы полагаем, что в России государство должно занимать в экономике важную, а в ряде сфер ведущую роль. Но нигде оно не должно быть единственным игроком. Государство должно осуществлять контроль над крупным частным капиталом, но достигать это не столько через «репрессивный механизм», а прежде всего через механизм кооперации, через государственно-частные и частно-государственные проекты. Нигде присутствие государства не должно быть тотальным. Особенно это касается сферы науки, где особенно важна конкурентная среда.

В сфере интересов государства должны быть не только политическая стабильность, оборона, национальная безопасность, но также детство, юность и старость его граждан. Борьба с бедностью и нищетой, беспризорностью, детскими заболеваниями и т.д. должны выступать такими же приоритетами государственной политики, как безопасность и оборона. В целом государство должно быть социально ответственным, нести ответственность перед своими гражданами и быть равноудаленным, независимым от бизнеса.

Рынок – инструмент установления пропорций в сфере обмена в условиях, когда эти пропорции не могут быть определены априори (в силу множественности вариантов и невозможности просчитать их сознательно или же в силу невозможности оказывать внешнее воздействие, управлять агентами, формирующими отношения и пропорции). Рынок может и должен выступать инструментом развития, противодействовать примитивизации экономики и стагнации экономической жизни. Бывает, что рыночные инструменты недостаточны для достижения нужных обществу результатов или несут в себе негативные последствия. Государство и общество должны иметь возможность регулировать рынок, и не важно при помощи ли налогов, тарифов, кредитов или же административно. Речь идет о достижении общей эффективности экономики. Это очень сложно, а иногда и недостижимо, но такая задача сохраняется. Как и у врача, первая заповедь государства – не навредить экономике, что нередко происходит на практике. Государство должно в необходимых случаях ограничить свою активность. Нужно строго научно определить круг пропорций, которые регулируются рынком, и пропорций, которые не подлежат рыночному регулированию. Целесообразно определять в целях предотвращения монополизма, обеспечения определенного уровня социальной справедливости долю рынка, которую могут занимать компании, верхний уровень прибыльности, пропорции распределения доходов и т.д.

Такие нормативы должны вырабатываться в ходе общественной дискуссии, стать предметом соглашений всех заинтересованных сторон. Критериями достижения согласия должны быть приемлемость соглашения для каждой из сторон, включая приемлемость получаемого дохода. Но среди этих критериев обязательно должны быть социальная справедливость, гуманное отношение к человеку, требования экологической безопасности. В процессе удовлетворения всех таких потребностей неизбежно возникновение острых противоречий. Ведь социальные потребности не могут исключать объективной необходимости в экономической эффективности производства, в рентабельности бизнеса. Соглашения достигаются либо путем сильного давления одной из сторон, либо путем компромисса. Способность к компромиссу – показатель зрелости и цивилизованности общественной системы.

Степень же цивилизованности – это прежде всего уровень культуры общества. В модели «Московского консенсуса» культура выступает одной из базисных конструкций в виде таких элементов, как личная свобода, коллективизм, образование, признание и беспрепятственная трансляция основных социальных ценностей в мировом пространстве, определенный уровень взаимопонимания и солидарности между индивидами и группами, наличие моральных и политических противовесов в отношении идеологии национального превосходства, социальной и межгосударственной агрессивности, недоговороспособности и т.д.¹

Второй треугольник создают: открытость, конкуренция, специфические национальные ценности, не противопоставляемые общецивилизационным. Данный треугольник формирует в модели такие отношения, как обмен, заимствование (передовых технологий, менеджмента, норм, институтов и проч.), инвестиции, адаптацию, реформы и проч. Открытость предполагает обмен с другими «мирами-экономиками» по всем направлениям: от вывоза-ввоза сырья, других ресурсов (в том числе миграции людей) и готовой продукции до идей, технологий, институтов. Открытость должна обеспечиваться усилиями и государства, и общества. Конкуренция в конечном счете должна служить целям общего развития. Важно объединение усилий в сфере инновационной деятельности, ее стимулирование. Заимствуемые институты, идеи, технологии и нормы адаптируются к внутренним условиям принимающей страны, но эта адаптация не должна искажать их, снижать их положительное влияние. Спе-

¹ По культуре и системе национальной ценности россиян написано большое количество работ. Некоторое представление о проблеме можно получить из следующих источников: Делягин М.Г. Русская культура: недостатки и преимущества в глобальной конкуренции. Интернет ресурс. Режим доступа: [http:// www.kapital-rus.ru/articles/article\175556\(2009\)](http://www.kapital-rus.ru/articles/article\175556(2009)); Кульпин Э.С. Эволюция ментальности россиян. Природа и ментальность. Социально-историческая история. Вып. 23. М.: Московский лицей, 2003; Становление системы основных ценностей российской цивилизации //История и современность. 2008. №1. С. 49-62 и др.

цифические национальные условия и ценности неустранимы в обозримой исторической перспективе. Однако необходимо по-разному относиться к той национальной специфике, которая может служить прогрессу страны, и той специфике, которая препятствует ему. Первую нужно поддерживать, вторую – изживать

Описанная выше экономическая модель находится в России на начальной стадии первой фазы своего становления. Ее основные контуры еще слабо просматриваются. Ее формирование не столько облегчается, сколько осложняется огромной территорией страны, многообразием климатических и погодных условий, национальными и конфессиональными различиями, противоречивым историческим опытом, особенностями государственного строительства и управления и т.д. В то же время культурные и некоторые ментальные черты российского общества можно с полным основанием рассматривать как важный фактор, благоприятствующий освоению прогрессивной модели.

Предлагаемая модель может рассматриваться как синтез западной и восточной культур. В этом заключается ее оригинальность и уникальность. Однако необходимо отметить, что, несмотря на практически общепризнанность такой концепции, потребуются еще много работать над осмыслением ее конкретного содержания. В любом случае российская модель еще долго будет содержать много противоречий. Она воплощает в жизнь как западные либеральные ценности (индивидуальные и корпоративные интересы, участие общественных системных и несистемных институтов), так и консервативные ценности, свойственные восточной системе (элементы абсолютизации государственного регулирования, большой роли его идеологической предвзятости). Жизнь покажет, как эти две стороны проявят себя в процессе дальнейшего развития страны и насколько органичен их синтез. Пока же при построении и реализации российской экономической модели велико влияние не столько естественных условий страны, сколько политико-идеологического наследия прошлого, непреодолеваемых противоречий между «верхами» и «низами». Отсюда слабость проявления прогрессивных тенденций в экономике, социальной сфере, политике, в быту.

Акцент на преимущественно консервативные и негативные тенденции преобладает над освоением прогрессивных тенденций. Поэтому нынешняя российская модель имеет ограниченное и преходящее значение и не может служить позитивным критерием ни для одной страны. Существование нынешней российской модели поддерживается помимо традиционного менталитета общества также соотношением политических сил и прежде всего ресурсной самообеспеченностью страны. Если не иметь в виду силовое давление на общество, внешнее либо внутреннее, нынешняя российская модель неповторима в других странах. Она не может стать моделью планетарного характера. Поэтому подражать России нельзя и

невозможно. Более того, эта модель имеет исторически ограниченное значение и для самой России. Она неизбежно преходяща, и это достаточно очевидно для всех, кто не использует ее в своих корыстных интересах.

Сложнее вопрос о значимости для России западного опыта. Если не говорить об общезначимых для человечества принципах рационального хозяйствования (рыночного механизма и государственного регулирования), а иметь в виду конкретную практику, то выявляется, что западный опыт нередко оказывается неприменим к России. Не тот масштаб, не те проблемы, не те политические силы. Строить рациональную систему Россия должна не на основе подражания Западу, а путем собственного поиска. Распространено мнение, что предыдущий отечественный опыт показывает: как только мы начинаем копировать западный опыт, так создаем для себя проблемы, и дело здесь не в том, что этот опыт плох или хорош, а в том, что он не адекватен нашим условиям. Эти условия не просто уникальны, а на современном этапе развития России не позволяют или препятствуют не только использованию позитивного мирового опыта, универсальных норм цивилизованного хозяйствования, но и накоплению собственного опыта решения общественных проблем страны. При этом доминирующее влияние оказывают не объективные условия в стране, а субъективные (политические, идеологические) факторы.

Будущая рациональная российская модель должна соединять в себе тенденции глобализации и национальные особенности. Тем не менее она также будет уникальной, как бы последней исключительно особой национальной и одновременно новой для России моделью, адекватной прогрессивному мировому развитию.

Для этого нужно опираться на три принципа: 1) последовательное глубокое реформирование нынешней модели, 2) постепенность реформирования, 3) его непрерывность. Постепенность означает не только внедрение новых форм и методов по мере вызревания соответствующих замыслов, но также и при реализованности предыдущих реформаторских замыслов (в случае их оправданности). Само движение вперед должно происходить не рывками и скачками, а без перерывов. Нельзя сводить реформы к созданию новых производительных сил (техники и технологии), нужны также и новые институты и управленческие идеи. По отношению к двум важным современным институтам: рынку и государству, использование данного принципа означает, что следует развивать и расширять рыночные механизмы и рыночные реформы под руководством государства, а государственное регулирование должно корректироваться рынком, его реакцией.

Российская модель должна иметь свой алгоритм не только проектирования, но и реализации, который отличается от западного, в частности, от стран Восточной и Юго-Восточной Европы. К упомянутым ранее продуктивности и экспериментальности следует добавить: продвижение от

более простых, менее затратных и легких реформ и изменений к более сложным; замена и вытеснение старых институтов должна происходить лишь после создания новых или же параллельно с ними, но никак не раньше; сочетание структурных преобразований в экономике с преобразованиями в социальной и политической сферах; приоритетность социальной стабильности перед экономическим ускорением (поэтому темпы роста должны быть умеренными, но стабильными); избирательность при использовании зарубежного опыта; наконец, при принятии решений следует строго учитывать требования социальной справедливости.

Для ускоренного вызревания новой модели и реализации ее преимуществ требуются передовые технологии, передовой управленческий опыт и качество рабочей силы. Технологии можно получить у западных стран путем прямых инвестиций, а также через совместные проекты и кооперацию. Но при использовании западного опыта требуется избирательность, селективность, соответствие принимаемых мероприятий российским возможностям. Требуется внедрять лишь то и в таком объеме, что может быть реализовано, а не останется на стадии деклараций. Оценку должны давать совместно государство и общество через специальные экспертные институты. При этом очевидно, что государство в российских условиях выступает в первую очередь в роли системного института, заменить который иным институтом невозможно.

Логика выдвинутых положений и эмпирика позволяют трактовать предлагаемую модель как близкую к модели СССР. Но это не так. Предлагаемая модель кардинально отличается от советской модели. Впрочем, она отличается и от ныне существующих в мире моделей экономического развития. Это связано не только с внешними параметрами развития (территорией, социальным и политическим устройством, системой национальных ценностей и т.д.), но и со временем, в которое данная модель формируется и реализует себя. Россия на самом деле давно демонстрирует модель развития на огромном пространстве, для разных, но составляющих единство народов, и должна обеспечивать развитие всему этому многообразию. Поэтому далеко не всегда можно подходить к сложным проблемам с мерками других стран и территорий. Это было бы ошибкой методологического характера. Российская модель по сути своей является последней локальной национальной моделью по сравнению с планетарной. И в этом, возможно, заключается ее главная особенность. Поэтому она в какой-то мере повторяет многие предыдущие национальные/территориальные модели. Но она и отличается от всех предыдущих моделей, т.к. объективно (а отчасти и субъективно) предполагает продвижение к планетарной модели. Но в силу такой специфики эта модель может оказаться лишь преходящей моделью на историческом пути возрастания роли универсальных принципов рационализации экономики.

Таким образом, российская модель это национально специфическая,¹ уникальная и в то же время это модель, отражающая глобальные, фундаментальные тенденции мирового развития. Это означает, что российская модель, будучи национальной, в то же самое время прочно связана с глобальными фундаментальными процессами. Как всякий опыт она заслуживает внимания всего человечества. Она пополняет исторический опыт человечества на основе условий, которые имеются в России. В принципе она не может быть использована другими странами. Тем не менее, в отдельных странах российский опыт может быть использован в той мере, в какой в них временно могут сложиться аналогичные условия. Однако эти страны должны будут критически рассматривать ее, видя недостатки.²

Итак, на вопрос – может ли Россия иметь собственную экономическую модель мы отвечаем, что может. Какой должна быть эта модель? Результаты нашего анализа показали, что это должна быть, во-первых, модель, основанная на национальных особенностях России (культуре, истории, системе национальных ценностей, общественном и государственном устройстве и т.д.), во-вторых, в ее основу должны быть положены мировые тенденции в области техники, технологии, общественного устройства, государства, отношения к природе, к индивиду, его правам и свободам. Такая модель должна быть ориентирована не на внешнюю экспансию, а на внутреннее развитие России – на сохранение внутри страны стабильности и обеспечение ее поступательного развития.

¹ Здесь особое внимание следует уделить национальному, понимаемому как ныне действующему. Но дело в том, что Россия в этом плане представляет собой последнюю национальную модель, т.к. после этого наций как таковых уже не будет и национальных государств не будет. Поэтому и в этом плане российская модель представляет собой последнюю такую модель. В этом ее как уникальность, так и традиционность.

² В упомянутой работе «Московский консенсус» приводится перечень стран, которые могут реализовать у себя российскую модель.